

U
«Северный вестник» 1897 №6

ЖУРНАЛИСТИКА.

«Новое Слово»: г. Novusa'o «Мужикахъ» Чехова и «новая экономическая» критика. — «Русское богатство»: «На переписи» г. Елпатъевского. — «Миръ Божій»: «Въ кухнѣ» г. Елпатъевского. «Книжки Недѣли»: «Тургеневъ и его отношенія къ Салтыкову», г. Е. — «Вопросы философіи и психологіи»: «Предсмертныя мысли нашего вѣка во Франціи» г. Гилърова. — «Ученыя Записки Юрьевского Университета»: «Этическія воззрѣнія графа Л. Н. Толстого», проф. Боброва.

Давно уже новое беллетристическое произведеніе не пользовалось въ нашей журналистикѣ такимъ громкимъ и, при томъ, такимъ искреннимъ успѣхомъ, какъ «Мужики» г. Чехова. Успѣхъ этотъ напоминаетъ намъ тѣ времена, когда появлялся новый романъ Тургенева или Достоевскаго. О небольшомъ рассказѣ г. Чехова не только заговорили, но, — можно сказать — загадѣли: въ журналистикѣ появилось оживленіе, котораго давно уже не было; въ газетахъ появились цѣлые фельетоны о новомъ произведеніи талантливаго беллетриста; оно подверглось, если можно такъ выразиться, всестороннему обсужденію, при чемъ обнаружилось, что въ нашей, современной критикѣ, какъ и въ прежніе времена, все еще существуютъ прежнія направленія, съ одной стороны — чисто эстетическое, а съ другой — направленское. Встрѣчались, конечно, и неодобрительныя отзывы, но ихъ было мало и выступали они какъ-то робко; большинство же признало большія художественныя достоинства новаго произведенія г. Чехова, при чемъ, разумѣется, не обошлось безъ болѣе или менѣе существенныхъ оговорокъ. Перечитывая всѣ эти отзывы и критическія замѣтки, намъ пришло на мысль, что было-бы очень любопытно и интересно свести всѣ эти взгляды въ одно цѣлое и, такимъ образомъ, опредѣлить, какихъ именно принциповъ придерживается современная русская критика. Не задаваясь, однако, въ настоящее время такими широкими планами мы остановимся на одной журнальной статьѣ, которая показалась намъ любопытнымъ симптомомъ. Мы говоримъ о статьѣ подписанной псевдонимомъ Novus и напечатанной въ майской книжкѣ «Новаго Слова».

Авторъ довольно оригинально ставитъ вопросъ. По мнѣнію автора, въ «Мужикахъ» г. Чеховъ изобразилъ не русскую деревню и мужиковъ вообще, а опредѣленный складъ деревенскихъ отношеній, «на которомъ сказались лишь опустошительныя дѣйствія экономическаго развитія, оголившія до послѣдней степени некультурность и дикость среды». Еще Успенскій говорилъ о «новой зоологической правдѣ, обязательной при земледѣльческомъ трудѣ», а въ сущности просто-на-просто связанной съ опредѣленнымъ экономическимъ укладомъ жизни. Зоологическая правда неразлучна съ зоологической неправдой. И Успенскій постоянно изображалъ и ту, и другую вмѣстѣ. Г. Чеховъ развернулъ передъ читателями одну неправду, и это вполне законный художественный приѣмъ. Авторъ статьи говоритъ исключительно объ этихъ экономическихъ отношеніяхъ, какъ они выразились въ рассказѣ г. Чехова. Многие, говоритъ онъ, въращающіе въ культурно-общественную роль новѣйшаго русскаго народа, были обижены тѣмъ, что, въ качествѣ его представителя, Чеховъ вывелъ умирающаго рестораннаго лакея съ женой, умиляющейся словомъ «аще» и «дондеже» и съ благоговѣніемъ взглядывающей на красивыхъ и нарядныхъ барышень, — съ дочкой, которая вѣритъ, что оскорбившіеся тайкомъ влитой каплей молока, злая бабка попадетъ въ пекло. Но въ этомъ обстоятельствѣ г. Novus и видитъ тонкое художественное чутье и настоящій артистическій талантъ. Выведи Чеховъ не трактирнаго полового, который драгоцѣнную эмблему лучшаго прошлаго видѣлъ въ своемъ фракѣ, а фабричнаго рабочаго, охваченнаго новыми идеями, привязаннаго къ книжкѣ, — художественное впечатлѣніе этого рассказа было-бы слабѣе.

Легко догадаться, къ чему автора статьи приведетъ такой «экономическій» взглядъ въ критикѣ художественнаго произведенія. Онъ находитъ, что г. Чеховъ сопоставляя представителей настоящей деревни съ представителемъ «трактирной» цивилизаціи, хотѣлъ художественно изобразить превосходство этого послѣдняго. «Кто только не поносилъ, — говоритъ онъ, — трактирной цивилизаціи, не обрушивался на нее дешевой моралью, игнорируя, что эта цивилизація кусочекъ цѣлаго общественнаго уклада, заимствующій отъ него не только слабыя, но и сильныя стороны? Не боясь раздражить морализирующихъ народниковъ и народничающихъ моралистовъ, мы скажемъ, что общественный смыслъ очерка г. Чехова заключается главнымъ образомъ въ художественномъ обличеніи ихъ жалкаго морализованія. Художникъ раскрылъ уголокъ процесса стихійнаго творчества общественныхъ формъ и общественнаго сознанія». Для большей ясности, авторъ статьи приводитъ слѣдующія соображенія: При шатаніи прочныхъ бытовыхъ условій деревни сперва только зоологическая правда уступаетъ мѣсто зоологической неправдѣ, и потому на первый взглядъ кажется, что все новое исчерпывается этой переменой! Это, однако, лишь одинъ моментъ, рѣзче вырисовывающійся, чаще замѣчаемый, но переходный и преходящій, представляющій въ сущности не повѣрку, а наслѣдіе старины, переживание крѣпостнаго строя.

Колебание и падение деревенскихъ «устоевъ» должно раньше или позже сказаться на всей сельской массѣ опредѣленными психологическими послѣдствіями. Побѣда въ сельскохозяйственной борьбѣ съ одной стороны является условіемъ, содѣйствующимъ росту личности, но, съ другой стороны—фактическое экономическое превосходство способно ослаблять потребность въ новыхъ правовыхъ отношеніяхъ и притуплять чувство неудовлетворенности даннымъ складомъ ихъ. Такую-же двойственную оцѣнку можно дать и переживанію въ хозяйственной борьбѣ: оно и деградируетъ личность, и съ другой стороны толкаетъ ее впередъ. Въ дѣйствительной жизни все зависитъ отъ конкретной комбинаціи этихъ положительныхъ и отрицательныхъ дѣйствій. Вотъ почему такъ трудно рѣшить, если судить совершенно объективно, какой группѣ, — деревенскимъ неудачникамъ (буржуазіи) или деревенскимъ «мизераблямъ» (по выраженію Эртеля) будетъ въ ближайшемъ будущемъ принадлежать важнѣйшая роль въ процессѣ роста личности. Конечно, для народника, въ особенности—правовѣрнаго, деревенская буржуазія это—кулаки и мірѣды, и этими, по меньшей мѣрѣ не ласковыми наименованіями рѣшается серьезнѣйшій и труднѣйшій соціологическій вопросъ. Но уже острый умъ Успенскаго мучился вопросомъ, что такое кулакъ? По мнѣнію Успенскаго, кулачество, во первыхъ, явленіе не наносное, а внутреннее, и, во вторыхъ, для кулачества необходимо быть очень умнымъ и очень талантливымъ человѣкомъ. Иногда блещутъ въ дѣятельности кулаковъ подлинно гениальныя способности, и въ то-же время вы не можете не замѣтить, что равновсильнаго таланта, ума, наблюдательности, вообще даровитости ни въ чемъ другомъ, ни въ мірскихъ общинныхъ дѣлахъ, ни въ семейныхъ отношеніяхъ, не выразилось. Почему-же это такъ? спрашиваетъ дальше Успенскій и поясняетъ: міръ не умѣетъ разобраться съ дѣлами и съ головой.. И вездѣ гдѣ не понимаютъ — водка. Водка вездѣ, гдѣ нужно знаніе обстоятельствъ, недоступныхъ крестьянскому уму. Это съ одной стороны, а съ другой—крѣпостной опытъ, т. е. опытъ рѣшительно ни на что негодный при новыхъ условіяхъ жизни—вотъ рѣшитель сложныхъ вопросовъ всей системы самоуправленія, общественныхъ, юридическихъ, финансовыхъ. Мірской строй и крѣпостной строй, мірская мудрость и крѣпостной опытъ оказываются историческими близнецами, которые разъединяются лишь въ абстракціи народника-теоретика и въ фантазій народника-романтика. «Въ современной деревнѣ нѣтъ такого явленія, нѣтъ въ характерѣ деревенскихъ людей ни одной существенной черты, нѣтъ даже ни одного обычая, которые вполнѣ не объяснялись-бы барщиной, и главное—только барщиной».

Теперь, благодаря этимъ поясненіямъ, читатель легко можетъ судить о критическихъ взглядахъ автора статьи о «Мужикахъ» г. Чехова. Вопросъ о художественномъ воспроизведеніи жизни, объ эстетической цѣнности беллетристическаго произведенія,—откладывается имъ въ сторону, какъ праздный, никому не нужный разговоръ, и все сводится къ тому,

Колебаніе и паденіе деревенскихъ «устоевъ» должно раньше или позже сказаться на всей сельской массѣ опредѣленными психологическими послѣдствіями. Побѣда въ сельскохозяйственной борьбѣ съ одной стороны является условіемъ, содѣйствующимъ росту личности, но, съ другой стороны—фактическое экономическое превосходство способно ослаблять потребность въ новыхъ правовыхъ отношеніяхъ и притуплять чувство неудовлетворенности даннымъ складомъ ихъ. Такую-же двойственную оцѣнку можно дать и переживанію въ хозяйственной борьбѣ: оно и деградируетъ личность, и съ другой стороны толкаетъ ее впередъ. Въ дѣйствительной жизни все зависитъ отъ конкретной комбинаціи этихъ положительныхъ и отрицательныхъ дѣйствій. Вотъ почему такъ трудно рѣшить, если судить совершенно объективно, какой группѣ, — деревенскимъ неудачникамъ (буржуазіи) или деревенскимъ «мизераблямъ» (по выраженію Эртеля) будетъ въ ближайшемъ будущемъ принадлежать важнѣйшая роль въ процессѣ роста личности. Конечно, для народника, въ особенности—правовѣрнаго, деревенская буржуазія это—кулаки и міроѣды, и этими, по меньшей мѣрѣ не ласковыми наименованіями рѣшается серьезнѣйшій и труднѣйшій соціологическій вопросъ. Но уже острый умъ Успенскаго мучился вопросомъ, что такое кулакъ? По мнѣнію Успенскаго, кулачество, во первыхъ, явленіе не наносное, а внутреннее, и, во вторыхъ, для кулачества необходимо быть очень умнымъ и очень талантливымъ человѣкомъ. Иногда блещутъ въ дѣятельности кулаковъ подлинно гениальныя способности, и въ то-же время вы не можете не замѣтить, что равносильнаго таланта, ума, наблюдательности, вообще даровитости ни въ чемъ другомъ, ни въ мірскихъ общинныхъ дѣлахъ, ни въ семейныхъ отношеніяхъ, не выразилось. Почему-же это такъ? спрашиваетъ дальше Успенскій и поясняетъ: міръ не умѣетъ разобраться съ дѣлами и съ головой.. И вездѣ гдѣ не понимаютъ — водка. Водка вездѣ, гдѣ нужно знаніе обстоятельствъ, недоступныхъ крестьянскому уму. Это съ одной стороны, а съ другой—крѣпостной опытъ, т. е. опытъ рѣшительно ни на что негодный при новыхъ условіяхъ жизни—вотъ рѣшитель сложныхъ вопросовъ всей системы самоуправленія, общественныхъ, юридическихъ, финансовыхъ. Мірской строй и крѣпостной строй, мірская мудрость и крѣпостной опытъ оказываются историческими близнецами, которые разъединяются лишь въ абстракціи народника-теоретика и въ фантазіи народника-романтика. «Въ современной деревнѣ нѣтъ такого явленія, нѣтъ въ характерѣ деревенскихъ людей ни одной существенной черты, нѣтъ даже ни одного обычая, которые вполне не объяснялись-бы барщиной, и главное—только барщиной».

Теперь, благодаря этимъ поясненіямъ, читатель легко можетъ судить о критическихъ взглядахъ автора статьи о «Мужикахъ» г. Чехова. Вопросъ о художественномъ воспроизведеніи жизни, объ эстетической цѣнности беллетристическаго произведенія,—откладывается имъ въ сторону, какъ праздный, никому не нужный разговоръ, и все сводится къ тому,